
Прими
день
грядущий
Анна Ларен

Анна Ларен

Прими день грядущий

«Автор»
2026

Ларен А.

Прими день грядущий / А. Ларен — «Автор», 2026

Англия, конец XIX века. Этель Дэнверс привыкла заботиться о близких и откладывать собственные желания. После тяжёлых потерь ей остаётся держаться за семью — и ненавидеть человека, которого она считает виновником своего горя.Лорд Рейвенхёрст скрывает изуродованное пожаром лицо и всё реже покидает дом. Встречи с Этель нарушают его одиночество, но каждый разговор становится новой ссорой. Она слишком хорошо помнит причинённую боль. Он не умеет просить о близости, не превращая просьбу в требование.И всё же расстаться навсегда оказывается труднее, чем встретиться вновь. Только как довериться человеку, которого ещё недавно хотелось никогда больше не видеть?

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
ПРОЛОГ 7
Глава первая 8
Первый сезон 8
Глава 2 13
Человек, которого замечают 13
Глава 3 18
Голос Этель 18
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Анна Ларен
Прими день грядущий

Глава 1

Я оплеуха — и щека,

Я рана — и удар булатом,

Рука, раздробленная катом,

И я же — катова рука!
Ш.Бодлер.

Англия, 1890-е годы.

ПРОЛОГ

Семеро и восьмой

По серой разбитой дороге медленно двигалась похоронная процессия. Шел мелкий и колючий осенний дождь, нависший над землей белым саваном тумана. Было холодно.

Сторонний наблюдатель увидел бы семь идущих по дороге человек. Не считая священника и слуг. Двое — видимо, брат с сестрой — поддерживали под руки пожилую женщину, которая с трудом держалась на ногах от горя. Рядом с нею был и высокий господин в дорогом черном пальто с выражением безмолвной скорби на лице. Шляпу он снял, и теперь к седине на его голове примешивались блестящие нити дождя. Еще двое молодых людей: джентльмен, одетый по последней траурной моде, и юная девушка, светлые волосы которой выбивались из-под шляпки, — держались чуть в отдалении друг от друга, словно обиженные. Немолодая дама, чертами лица очень похожая на ту молодую женщину, которая вместе с братом поддерживала мать, держала в руках две чайные розы.

А меж двух тополей на опушке стоял восьмой человек, наблюдающий за процессией издали. Высокий мужчина в черном плаще — вот и все, что можно было сказать о нем. Лица его разглядеть не представлялось возможным: оно было закрыто глубоким капюшоном и падающей от капюшона тенью.

Гроб, обитый белым бархатом, медленно опустили в могилу и стали забрасывать комьями мокрой земли.

Он смотрел на мокрую землю и не мог отделить то, что произошло, от того, что теперь повторял себе.

Все кончено! Он не смог уберечь ее от смерти. Более того, это он заставил ее умереть. Он — чудовище, настоящее порождение ада! И нет ему места на земле…

Глава первая

Первый сезон

Лондон, апрель 1890 года.

Мадлен не сразу узнала их дом. Зимой, когда они приезжали сюда на несколько дней, окна второго этажа были закрыты ставнями, а в передней пахло холодным камнем. Теперь ставни распахнули, у дверей стояли два одинаковых лавровых деревца в кадках, и ливрейный слуга, придерживая дверцу экипажа, произнёс:

— С возвращением, леди Мадлен.

Она так обрадовалась этому приветствию, будто возвращалась в собственную жизнь, которую до сих пор по недоразумению проживал кто-то другой.

— Осторожнее, дорогая, — сказала мать. — Твоя юбка.

Мадлен подобрала подол и ступила на тротуар. Через улицу проезжала открытая коляска. Сидевшая в ней дама повернула голову, и Мадлен, не зная, знакомы ли они, слегка склонила свою. Коляска давно миновала дом, а девушка всё ещё улыбалась.

В передней было тесно от дорожных сундуков. Отец расспрашивал дворецкого о какой-то протечке, мать уже распоряжалась насчёт чая; горничная, приехавшая вперёд, приняла у Мадлен шляпку. Всё происходило почти так же, как дома в Элмсвик-холле, и это слегка её разочаровало. Ей представлялось, что в Лондоне даже слуги должны двигаться иначе.

Она поспешила наверх.

В спальне стоял новый туалетный столик. На гладкой светлой поверхности лежало несколько конвертов, перевязанных шнурком. Мадлен сразу узнала почерк Этель и, сбросив перчатки прямо на стул, потянулась к письму.

Сестра писала, что они с Ричардом надеются приехать в конце недели. Он переносит дорогу лучше по утрам, поэтому они выедут рано; если после поездки ему не понадобится отдых, Этель постарается заехать к ним в тот же день.

Ниже, словно вспомнив о самом важном уже в конце письма, она приписала: «Не позволяй маме выбрать все платья за тебя. Но и сама не выбирай все розовые».

Мадлен рассмеялась и тут же оглянулась на висевшее у шкафа розовое дорожное платье.

— Мэри, вы уже распаковали вечерние туалеты?

— Ещё нет, миледи. Госпожа велела прежде разобрать бельё.

— Да, конечно. Только не кладите розовое с белым. На розовом может остаться краска от лент.

Она вовсе не знала, возможно ли такое, но ей хотелось высказать какое-нибудь распоряжение. Мэри взглянула на неё с серьёзностью, которая могла быть и почтением, и старательно скрытой улыбкой.

Когда мать вошла, Мадлен стояла у окна с письмом в руках.

— Этель приедет в субботу.

— Если Ричард будет чувствовать себя хорошо.

— Он почти всегда чувствует себя плохо именно тогда, когда ей хочется куда-нибудь поехать.

— Мадлен.

Мать произнесла её имя негромко, но девушка уже знала этот тон.

— Я не хотела сказать ничего дурного.

— Тогда постарайся и впредь не говорить того, чего не хочешь сказать.

Графиня подошла к столику и взяла оставленную на нём перчатку. Один палец вывернулся наизнанку. Она расправила его и положила перчатку рядом со второй.

— У твоей сестры свои заботы. Она приедет, как только сможет.

Мадлен опустила глаза на письмо. На короткое мгновение ей стало стыдно: она с такой радостью читала приписку о платьях, что почти не заметила всего остального.

— Я соскучилась по ней.

— Знаю, дорогая.

Мать обняла её за плечи. За окном погонщик прикрикнул на лошадь; с тротуара донёсся скрип колёс тяжёлой тележки. Мадлен посмотрела на отражение их обеих в стекле: мать, ещё красивая, с безукоризненно гладкой причёской, и она сама, растрепавшаяся после дороги, с горячими щеками.

— Мама, а если я никому не понравлюсь?

Графиня чуть отстранилась, чтобы взглянуть ей в лицо.

— Уверена, кто-нибудь непременно найдёт в тебе недостатки.

— Я серьёзно.

— И я тоже. Не нужно нравиться каждому человеку, с которым ты познакомишься.

— Но ведь ради этого мы и приехали?

Мать помедлила.

— Мы приехали, чтобы ты увидела людей и люди увидели тебя. Твой отец и я хотим, чтобы у тебя был выбор.

Слово это Мадлен понравилось. В нём было что-то взрослое и самостоятельное. Ей представилось множество открытых дверей, за которыми её ждали разные, но непременно счастливые жизни.

— А мне самой можно будет выбирать?

— В разумных пределах, — ответила графиня и улыбнулась, заметив, как вытянулось лицо дочери. — Прежде всего платье на четверг. Его привезут завтра.

Мадлен обняла мать. Остаток тревоги ещё шевелился в ней, однако теперь тревога была приятной. Она уже хотела, чтобы наступил четверг.

* * *

К концу недели Этель успела несколько раз мысленно проделать дорогу от дома Дэнверсов к родителям. Ей хотелось приехать пораньше, застать мать за завтраком, подняться к сестре, пока та ещё не успела одеться, и услышать всё, чего в письмах никогда не оказывалось: кто рассердил Мадлен, чего она испугалась, над кем смеялась.

Но после дороги Ричард плохо спал. Утром он попросил не раздвигать шторы и, когда Этель вошла, приподнял руку, словно заслоняясь от света из коридора.

Она тихо прикрыла дверь.

— Вам принести завтрак сюда?

— Чуть позже. Который час?

Она ответила. Ричард нахмурился.

— Я задерживаю тебя.

— Мама знает, что я приеду после полудня.

Накануне она написала матери другое, но теперь это уже не имело значения. Этель поправила складку на покрывале и спросила, не вызвать ли доктора.

— Нет. Я просто устал. Ты же знаешь, как я переношу эту тряску.

Он говорил с досадой, обращённой скорее к собственному телу, чем к ней. Этель знала это и всё же почувствовала себя виноватой: ведь именно ради неё они приехали в Лондон.

Ричард протянул руку. Она подошла ближе.

— Не смотри на меня так тревожно. Через час я встану, и ты увидишь, что напрасно меня жалела.

— Я не жалею. Я беспокоюсь.

— Для того, кто лежит, разница не так велика.

Он улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. На мгновение ей захотелось присесть рядом и рассказать о смешном письме Мадлен, о её уверенности, что все девушки в Лондоне давно умеют делать что-то такое, чему её забыли научить. Однако Ричард уже закрыл глаза.

Этель вышла.

Внизу её ожидала экономка. Оказалось, не доставили часть столового белья; кухарка хотела знать, предполагается ли на следующей неделе обед для гостей; у одного из лакеев заболела мать, и он просил отпустить его до вечера. Этель выслушала всё это, продолжая держать в руке шляпку, которую зачем-то взяла ещё до того, как поднялась к мужу.

Лакея она велела отпустить.

— Но если милорд пожелает выехать…

— Сегодня не пожелает. Пусть перед уходом спросит у камердинера, не требуется ли ещё чего-нибудь.

Экономка приняла распоряжение, но осталась ждать ответа насчёт обеда.

— Поговорим после, миссис Белл. Сначала я должна знать, как будет чувствовать себя лорд Дэнверс.

Почти каждый её ответ начинался так. За пять лет она привыкла не назначать ничего окончательно: болезнь Ричарда могла за одну ночь сделать любой замысел неуместным. Когда-то это раздражало её. Теперь Этель уже заранее оставляла в своих днях место для перемены.

В гостиной пахло свежей полировкой. Она провела пальцем по краю рояля, проверяя, не осталось ли пыли, и подняла крышку. Накануне инструмент настраивали. Этель нажала одну клавишу, потом другую. Отчётливые звуки показались ей слишком громкими для тихого дома.

В дверь заглянул слуга.

— Лорд Дэнверс спрашивает, не пришла ли утренняя почта, миледи.

Этель опустила крышку.

— Я сейчас принесу.

Сверху лежало пересланное матерью письмо от Майкла. Брат сообщал отцу какие-то новости и просил передать всем поклон. На последней странице для Мадлен нашлось несколько строк с шутливым предостережением насчёт лондонских поклонников. Этель он просил поберечь себя.

Она задержала взгляд на этих словах.

Прежде Майкл писал ей отдельно. Потом писем стало меньше; она понимала, почему, но от понимания не становилось легче. Брат считал, что она совершила ошибку, выйдя за Ричарда, и словно не мог решить, как теперь разговаривать с ней, чтобы не напоминать об этом.

Этель сложила листы. Ричард обрадуется известиям из посольства. Он ещё любил узнавать то, в чём прежде участвовал сам, и иногда, увлёкшись, начинал рассказывать о людях, которые для неё существовали только в этих рассказах.

Чуть позже, когда муж позавтракал и устроился в кресле, он сам спросил:

— Ты всё ещё не уехала?

— Уже собираюсь.

— Поезжай. Я хочу услышать, как Мадлен покоряет столицу. Надеюсь, она помнит, что мы с твоим отцом рассчитываем на самое убедительное покорение.

Этель рассмеялась.

— В таком случае вам придётся довольствоваться отчётом о перчатках и танцах.

— Я готов. Только рассказывай подробно. Когда-то это интересовало меня больше всего.

Она знала, что он хочет сказать ей что-нибудь доброе перед отъездом, и была благодарна за эту попытку.

У родителей Этель застала уже остывший чай. Мадлен выбежала навстречу, не дав слуге объявить о её приезде, и потащила наверх смотреть платья. Графиня смотрела им вслед с улыбкой.

— Я думала, ты не приедешь вовсе, — сказала Мадлен, едва за ними закрылась дверь спальни.

— Но я же обещала.

Сестра ничего не ответила. Она уже разворачивала длинную полосу бледно-голубого шёлка, которую хотела показать прежде всего.

* * *

Нужно сказать, дебютантку приняли хорошо.

Первый вечер впоследствии вспоминался Мадлен отрывками. Она помнила тяжесть волос, которые горничная заколола непривычно высоко, и то, как перед самым выходом из экипажа ей показалось, что левая перчатка испачкана. Помнила имя хозяйки дома, забытое в ту минуту, когда следовало его произнести, и руку матери, чуть заметно коснувшуюся её локтя.

Зато после первого танца всё стало легче. Молодой человек, который её пригласил, тоже однажды перепутал фигуру, и это придало ей уверенности больше, чем все материнские наставления. Оказалось, другие люди не знают заранее, что именно она собирается сказать; можно помолчать и улыбнуться, а собеседник решит, что она слушает.

Через две недели Мадлен уже находила неприятным, когда её считали застенчивой.

Приглашения складывались на серебряном подносе в малой гостиной. Мать отбирала те, которые следовало принять, а Мадлен старалась угадать по конверту, сулит ли вечер что-нибудь занимательное. Утром приезжали с визитами, днём они отправлялись к модистке или в парк; однажды из-за задержавшей их примерки пришлось обедать позже обычного, и отец заметил, что младшая дочь уже сумела изменить распорядок всего дома.

— Я пока изменила только время обеда, — ответила Мадлен. — Вы могли бы проявить снисхождение.

— Пока, — повторил граф. — Это слово и заставляет меня беспокоиться.

Ей нравилось, что над ней шутят как над взрослой. В Элмсвик-холле почти всё давно было решено: кто сядет напротив неё за столом, что она увидит из окна, с кем встретится на прогулке. Здесь незнакомый экипаж мог остановиться у их дверей в любую минуту. Иногда за обыкновенным визитом следовало приглашение, а за приглашением — вечер, которого ещё вчера не существовало.

Этель приезжала не так часто, как им обеим хотелось, но почти всегда Мадлен удавалось удержать её хотя бы на полчаса наедине. Она рассказывала сестре всё, не замечая, как быстро перескакивает от одного знакомого к другому. Этель слушала и изредка задавала вопрос, после которого выяснялось, что самое интересное Мадлен забыла сообщить.

— Он пригласил тебя дважды? — спросила она как-то.

— Да. Но первый танец уже был обещан.

— А ты хотела танцевать с ним?

Мадлен задумалась.

— Он очень хорошо танцует.

— Я спросила не об этом.

— Не знаю. Наверное, хотела.

Этель улыбнулась, однако младшую сестру вопрос озадачил. До тех пор ей казалось вполне достаточным, что её хотели приглашать.

Она обладала всеми достоинствами, чтобы сделать не просто хорошую, но блестящую партию: известной и почитаемой фамилией, немалым приданым, красотой, весёлым нравом и непосредственностью. Уже спустя пару месяцев после появления Мадлен в свете наметилась пара-тройка потенциальных женихов. Но родители придерживались мнения, что девушке всту-

пать в брак ещё рановато. Так или иначе, Мадлен к замужеству не стремилась, с удовольствием веселилась на балах и принимала комплименты. И, будучи совсем недолго в свете, мнила себя уже искушённой светской львицей, сохраняя при этом живость и непосредственность ребёнка, только вступавшего во взрослую жизнь.

Когда мать впервые заговорила об одном из молодых людей с особенным одобрением, Мадлен обиделась.

— Вы же сказали, что не торопите меня.

— И сейчас не тороплю. Я только заметила, что он хорошо воспитан.

— Но вы заметили это таким голосом, каким говорили о новом экипаже.

Графиня посмотрела на дочь поверх письма.

— Возможно, я и в самом деле слишком высоко ценю надёжность.

Мадлен вспыхнула: мать не рассердилась, и от этого собственная резкость стала особенно заметна.

— Простите. Я не хотела…

— Знаю. Сядь рядом.

Девушка присела на подлокотник, как делала дома, и графиня отвела её руку от края стола, где стояла чашка.

— Твоему отцу и мне приятно видеть, что тебя хорошо принимают. Но твоя жизнь не обязана устроиться за один сезон.

Мадлен кивнула. Она уже хотела спросить, была ли мать сама влюблена, когда выходила замуж, однако не решилась. Ей стало вдруг страшно услышать какой-нибудь спокойный, разумный ответ.

В тот вечер, вернувшись с очередного приёма, она долго не зажигала свечу у постели. Из-за неплотно задёрнутой шторы падала полоска света уличного фонаря. На стуле белели перчатки; одна свесилась вниз, почти касаясь ковра. Мадлен подняла её, медленно расправила пальцы и положила на туалетный столик.

Вечер прошёл хорошо. Её приглашали, ей говорили приятные вещи; даже дама, которую все считали чрезвычайно строгой, похвалила её платье. И всё же, оставшись одна, Мадлен почувствовала странное разочарование.

Завтра она увидит тех же людей и услышит почти те же слова.

Ей захотелось, чтобы случилось что-нибудь, о чём она не сумеет рассказать Этель с привычной лёгкостью.

Глава 2

Человек, которого замечают

В начале июня графиня Элмсвик заказала дочери ещё одно платье. Мадлен решила, что новое ей совершенно необходимо; мать заметила, что с этой точки зрения новое платье будет необходимо к каждому вечеру, и всё-таки согласилась.

Розовый шёлк оказался светлее, чем на образце. Пока горничная застёгивала крючки, Мадлен то подносила к лицу веер, то отнимала его, стараясь понять, не делает ли бледный цвет кожу желтоватой. Накануне она знала, что это самое красивое её платье. Теперь, когда следовало ехать, уверенность исчезла.

— Вы хорошо выглядите, миледи, — сказала Мэри.

— Вы обязаны так говорить.

Горничная поправила розу в её волосах.

— Эту я бы поставила немного выше.

И после того, как розу переставили, Мадлен наконец осталась довольна.

По дороге мать рассказывала отцу о письме Клариссы. Тётя приглашала их на побережье и уверяла, что Лондон дурно влияет на характер даже тех, кто бывает там совсем недолго. Мадлен заподозрила, что последняя фраза относится к ней, и притворилась, будто не слушает.

В действительности она надеялась, что родители откажутся. Ехать к тёте было приятно в любое другое время года; теперь же целый месяц представлялся огромным сроком. За месяц здесь могло произойти всё что угодно.

— Поговорим об этом завтра, — сказал граф.

Экипаж остановился. Мадлен с облегчением услышала, как слуга отворяет дверцу.

Сейчас, одетая в элегантное платье нежно-розового цвета, с искусственными розами в причёске, она стояла около родителей с улыбкой, ожидая первого танца и наверняка зная, что её пригласят. И точно, не успели музыканты поднять смычки, как некий молодой человек уже просил у графа позволения пригласить на танец его дочь.

Она почти не слушала своего кавалера. Молодой человек рассказывал о вчерашнем спектакле и, по-видимому, старался выяснить, видела ли она его сама. Мадлен улыбалась, отвечала и только после второго вопроса поняла, что уже сказала и «да», и «нет».

— Простите, я думала, вы говорите о другом вечере.

— Это я виноват, леди Мадлен. Полагаю, я не назвал театр.

Он назвал его и продолжил рассказ. Девушка почувствовала благодарность за то, что он не стал замечать её рассеянность. Но когда танец закончился и он проводил её к матери, она почти сразу забыла, о чём они беседовали.

Ричард и Этель приехали несколько позже. Мадлен увидела сестру издали и подняла веер, привлекая её внимание. Этель ответила улыбкой, однако не сразу подошла: хозяйка дома остановилась возле них, потом кто-то поздоровался с Ричардом.

Глядя на сестру, Мадлен подумала, что она выбрала слишком тёмное платье. Светло-серый шёлк в тени казался почти лиловым, и на фоне ярких туалетов Этель легко было не заметить. Зато у неё были красивые плечи. Мадлен уже хотела сказать об этом матери, но та разговаривала со знакомой.

Чуть позже, когда Мадлен с матерью стояли у камина, в зале произошло некоторое замешательство. Толпа расступилась, пропуская кого-то, и Мадлен взглянула на двери, желая разглядеть опоздавшего гостя. В зал вошёл молодой мужчина довольно высокого роста и крепкого телосложения. Привлекательное мужественное лицо, светло-русые волосы, глубокие серые

глаза. Мужчина был элегантно одет и держался безукоризненно. Подошедших к нему поближе знакомых он приветствовал небрежным кивком. Лишь с одним мужчиной он довольно тепло поздоровался за руку и остановился поговорить. Этим человеком был лорд Дэнверс.

— Он производит впечатление, — тихо сказала её мать. — Не так ли, Мадлен?

Девушка оглянулась на мать.

— А кто это?

— О, это самый завидный жених Лондона. Богат, знатен, красив, разве что чуточку высокомерен.

— Лорд Рейвенхёрст, — добавила графиня. — Ты наверняка слышала это имя.

Мадлен слышала. Она и сама не могла бы сказать, откуда именно: имена некоторых людей становились знакомыми раньше, чем появлялась возможность увидеть их. Однако до этой минуты Рейвенхёрст представлялся ей значительно старше.

— Разве он не Эшфорд?

— Эшфорд — фамилия. Он старший сын, титул перешёл к нему после отца. Его брат — мистер Эшфорд.

Мадлен кивнула, хотя положение младшего брата занимало её сейчас меньше всего.

Граф стоял вполоборота. Он слушал Ричарда, слегка наклонив голову, и вдруг засмеялся. Издали этот смех показался Мадлен почти вызывающим: никто вокруг не смеялся так свободно. Она невольно выпрямилась, будто он уже мог её видеть.

— Он сдержан с незнакомыми людьми? — спросила она.

— Смотря с какими. Некоторые дамы находят его весьма любезным.

— А другие?

— Другие говорят, что он слишком снисходителен к их суждениям.

Мадлен посмотрела на мать.

— Что это значит?

— Что он охотно выслушает тебя, но не обязательно сочтёт возможным согласиться.

— Даже если я права?

Графиня улыбнулась.

— У каждого есть свои недостатки, дорогая.

Мадлен вновь взглянула на лорда Рейвенхёрста. Ничего неприятного в нём она не увидела. Напротив, ей понравилось, что он не осматривал зал в поисках человека, который мог бы оказаться занимательнее того, с кем он разговаривал. Рядом с Ричардом теперь стояла Этель. Сестра слушала их с тем выражением, которое Мадлен хорошо знала: доброжелательным и чуть отстранённым.

Потом Ричард что-то сказал ей, и Этель подняла глаза на незнакомца.

* * *

— Рутгер, вы позволите представить вам мою жену? — спросил Ричард. — Этель, лорд Рейвенхёрст. Кажется, я говорил тебе о его отце.

Этель поклонилась. Она помнила это имя: Ричард рассказывал о старшем Эшфорде, упоминая один из давних приёмов. Тогда рассказ показался ей забавным, но теперь подробности куда-то исчезли. Она надеялась, что ей не придётся вспоминать их вслух.

— Мне очень приятно, леди Дэнверс.

В голосе графа не было ни особенной теплоты, ни сухости. Он произнёс обычные слова, глядя прямо на неё, и Этель неожиданно почувствовала, что внимание этого человека требует ответа.

— Надеюсь, вы не успели выслушать о нашем поколении слишком много дурного, — добавил он.

— Об этом Ричард почти не рассказывает.

— Вот видите, — заметил её муж. — Я берегу ваши тайны.

— В таком случае нам остаётся беречь ваши.

Ричард засмеялся и тотчас прижал платок к губам, прерываясь на кашель. Этель посмотрела на него. Он опустил руку, чуть заметно покачал головой: не надо тревожиться.

Заиграли следующий танец.

— Пригласите мою жену, Рейвенхёрст, — сказал Ричард. — Боюсь, я за весь вечер так и не дам ей этой возможности.

Этель быстро повернулась к мужу.

— Я вовсе не…

— Знаю, дорогая. Но мне будет приятно посмотреть.

Рутгер уже поклонился ей, и отказ прозвучал бы почти как желание остаться при Ричарде вопреки его просьбе. Этель положила ладонь на предложенную руку.

Она не танцевала довольно давно. Первые шаги потребовали внимания; граф вёл уверенно, и вскоре ей стало легче. Движение принесло странное удовольствие: несколько минут не нужно было прислушиваться к чужому дыханию, следить, не побледнело ли лицо мужа, угадывать, не пора ли предложить уехать.

Этель слегка смутилась от этой мысли. Она посмотрела туда, где остался Ричард. Он разговаривал с её отцом.

— Вы ведь сейчас живёте не в Лондоне?

— Да, но моя младшая сестра первый сезон в свете.

— О, понимаю, — снисходительно улыбнулся он. — Вы здесь в роли наставницы.

— Я здесь для поддержки морального состояния Мадлен. А наставница, из меня, боюсь, не получится. Я сама слишком редко показывалась в обществе.

— Почему же, леди Дэнверс? — заинтересовался он.

Она едва уловимо пожала плечами.

— Я рано вышла замуж, не проведя в Лондоне сезона, а потом мы уехали. Мой муж не любит бывать в столице.

Ей показалось, что она сказала чуть больше, чем требовалось. Можно было просто упомянуть загородную жизнь; теперь же незнакомый человек вправе был вообразить, будто она жалуется.

— А вы? — спросила Этель. — Вы, должно быть, хорошо знаете Лондон.

— Достаточно, чтобы иногда желать уехать.

— Но не уезжаете?

— Иногда уезжаю. Потом оказывается, что без меня накопилось слишком много дел.

Этель улыбнулась.

— Значит, дело в делах.

Он взглянул на неё внимательнее.

— Вы не верите?

— Почему же? Ричард говорит почти то же самое. Только у него дела теперь обычно находятся дома.

Рутгер усмехнулся, но не стал отвечать сразу. Этель успела подумать, что ненароком задела его самолюбие. Однако следующий вопрос был задан совершенно спокойно:

— Вы бы предпочли жить здесь?

Она посмотрела за его плечо, туда, где быстро сменялись освещённые лица.

— Я не знаю Лондона настолько, чтобы предпочесть его чему-нибудь.

— А вам хотелось бы узнать?

Этель задержалась с ответом. Этот вопрос был простым; она вполне могла сказать «да». Но перед глазами неожиданно возникли распахнутые окна загородной спальни и Ричард, которого после завтрака приходилось уговаривать вернуться в кресло, потому что утренний воздух ещё холоден.

— Сейчас я рада, что мы здесь, — сказала она наконец. — Моя сестра очень ждала этой поездки.

— Надеюсь, её ожидания оправдались.

— Пока да.

Рутгер улыбнулся. Ей стало досадно, что слова о сестре прозвучали как отказ ответить за себя. Но исправлять впечатление было бы ещё более неловко, и Этель замолчала.

К концу танца она уже двигалась без усилия. В одной из фигур ей пришлось слегка отступить; юбка скользнула по полу, и знакомое с юности ощущение лёгкости так неожиданно вернулось, что Этель невольно улыбнулась.

— Теперь я вижу, что зря вас расспрашивал, — заметил Рутгер.

— Почему?

— Кажется, вам хотелось просто танцевать.

Она могла бы возразить, но вместо этого улыбнулась ещё раз.

* * *

Мадлен увидела их раньше, чем они подошли.

Этель что-то ответила своему кавалеру. Он склонился к ней, чтобы расслышать, и Мадлен с неожиданной остротой захотелось узнать, что именно сказала сестра. Лицо Этель казалось оживлённым. Даже платье теперь выглядело иначе: при движении шёлк отражал свет, и сероватый оттенок стал мягким, почти серебряным.

Мадлен поправила цветок в волосах.

— Лорд Рейвенхёрст, — сказал отец, когда они подошли, — позвольте представить вам мою младшую дочь.

Граф поклонился.

— Леди Мадлен.

Ей нужно было ответить что-нибудь простое. Вместо этого она услышала собственный голос:

— Вы давно знакомы с лордом Дэнверсом?

— Достаточно давно, чтобы он мог рассказать обо мне много лишнего.

— Я умею быть благоразумным, — отозвался Ричард.

— В таком случае я спасён.

Все улыбнулись, и Мадлен тоже, хотя ей было неприятно, что разговор сразу вернулся к Ричарду. Она не знала, о чём ещё спросить графа. С ним хотелось говорить иначе, чем с молодым человеком, рассуждавшим о спектакле, а нужных слов не находилось.

— Надеюсь, мы увидим вас у нас, — сказал Ричард. — Если вы найдёте свободный вечер.

— С удовольствием. Пришлите мне записку, и я постараюсь его освободить.

— Мы тоже будем очень рады, — заметила мать.

Мадлен показалось, что он посмотрел на неё. Она улыбнулась, но взгляд графа уже перешёл к отцу. Через минуту он извинился: обещал ещё появиться в двух домах и опасался не успеть ни в один.

На танец он её не пригласил.

Она увидела это упущение с такой ясностью, будто кто-то произнёс его вслух. Пальцы сильнее стиснули веер; Мадлен разжала их и стала смотреть на музыкантов.

— Ты устала? — спросила Этель.

— Нет. С чего ты взяла?

— Ты молчишь.

— Ты тоже не всегда разговариваешь.

Сестра чуть удивилась, но промолчала. Мадлен сразу пожалела о резком ответе. Ей было досадно на себя, на свой неудачный вопрос, на то, что граф ушёл так быстро, и совершенно невозможно было объяснить всё это Этель, не выставив себя смешной.

Подошёл один из знакомых молодых людей. В её бальной книжечке напротив следующего танца уже стояло его имя. Мадлен вложила веер в руку матери и приняла приглашение с такой живой улыбкой, что графиня удовлетворённо кивнула.

Теперь девушка танцевала внимательнее. Она старалась не оглядываться на дверь и всё же несколько раз посмотрела туда, будто лорд Рейвенхёрст мог вернуться за чем-нибудь забытым.

Когда вечером они прощались с Дэнверсами, Мадлен взяла сестру под руку.

— Ты завтра приедешь?

— Если смогу. А что?

— Просто так. Мы сегодня почти не разговаривали.

Этель прижалась щекой к её виску. От неё пахло едва уловимыми цветочными духами и тёплым шёлком.

— Я постараюсь приехать пораньше.

Уже в экипаже Мадлен приподняла край занавески. Улицу освещали фонари, и на мгновение ей почудилось, что возле соседнего дома стоит знакомая высокая фигура. Но экипаж тронулся, человек повернулся, и она увидела совсем другое лицо.

— Закрой окно, дорогая, — попросила мать.

Мадлен послушалась и откинулась на спинку сиденья. Ей хотелось спросить, как зовут графа, если не по титулу. Она помнила, что Ричард однажды назвал его по имени, но в ту минуту не расслышала.

Спросить сейчас означало бы признаться, что она всё ещё думает о нём.

Мадлен решила узнать у Этель.

Глава 3

Голос Этель

Когда Дэнверсы вернулись домой, Ричард задержался в передней дольше обычного. Он отдал трость слуге и некоторое время стоял у нижней ступени, словно собирался что-то сказать. Этель ждала рядом, не подавая вида, что тоже остановилась.

— Ты можешь идти, дорогая. Я поднимусь через минуту.

— Я не тороплюсь.

Он взглянул на неё с лёгким раздражением. Она знала: ему неприятно, когда за ним наблюдают. Этель отвернулась, стала снимать перчатки и сделала вид, что не замечает, как камердинер подходит ближе.

Наверху Ричард сразу отправился в спальню. Этель вошла в свою комнату, но не позвала горничную. На туалетном столике лежал сложенный платок; рядом стоял флакон, которым она воспользовалась перед отъездом. Крышечка была надета косо. Этель поправила её, потом сняла браслет и положила на платок, чтобы он не стукнул о дерево.

Платье всё ещё хранило тепло зала. Ей вспомнились музыка и скользнувшая под рукой ткань рукава лорда Рейвенхёрста. Он не говорил ничего, что следовало бы помнить; разговор был коротким, обычным. Но, вспоминая его, Этель снова ощутила удовольствие от танца.

Она посмотрела на своё отражение. На щеках оставался слабый румянец.

За стеной послышался голос мужа. Этель повернулась к двери и прислушалась. Он говорил с камердинером — спокойно, без напряжения.

Она ждала, пока слуга выйдет.

Около полуночи Этель, всё ещё одетая в бальное платье, вошла в комнату мужа. Он уже лежал в постели и читал при свете свечи.

— Вам ничего не нужно?

— Нет, благодарю тебя.

Она присела на кровати у него в ногах.

— Вы и так переутомились сегодня, а теперь ещё и читаете при таком свете.

Он послушно отложил книгу и ласково сжал руку жены. Она печально ему улыбнулась и взяла книгу в руки, взглянув на обложку.

— Омар Хайям — жизнеутверждающий поэт.

Ричард вздохнул:

— Да, хоть почитать о радостях жизни, коль самому жить в полную мощь не под силу.

Этель погладила потёртый угол переплёта.

— Вы ведь сами говорили, что провели хороший вечер.

— Я и провёл. Увидел старых знакомых, услышал достаточно глупостей, чтобы убедиться, что мы все мало изменились. — Он помолчал. — Ты хорошо танцевала.

— Оттуда было видно?

— Я не настолько стар, чтобы не разглядеть собственную жену через комнату.

Она улыбнулась, но его шутка прозвучала устало.

— Я хотела сказать, там было много людей.

— Да. Больше, чем нужно. В молодости я почему-то любил именно такие вечера.

Он чуть подвинулся, устраивая голову удобнее, и Этель привстала, чтобы помочь. Ричард остановил её жестом.

— Оставь, я сам.

Она вновь села.

— А тебе понравилось? — спросил он.

— Конечно.

— Я спрашиваю не о твоей сестре.

Этель посмотрела на него и увидела, что он ждёт ответа всерьёз.

— Мне было приятно, — сказала она. — Я давно не танцевала.

— В таком случае надо выезжать чаще.

Ей захотелось поверить в возможность этого простого решения. Но даже сегодня, пока он поднимался по лестнице, она уже успела подумать, что им не следовало задерживаться так долго.

— Посмотрим, как вы будете чувствовать себя завтра.

Ричард прикрыл глаза.

— Ты всегда так говоришь.

Этель не нашлась, что ответить. Через несколько секунд он снова посмотрел на неё, уже мягче.

— Я не упрекаю тебя, дорогая. Я знаю, что ты заботишься обо мне.

Этель внимательно посмотрела на мужа. Он был почти ровесником её отца. Ричарду было 55. Его совершенно седые волосы покрывали лишь затылок. Лоб и виски были полностью открыты. Высокий и худощавый Ричард имел весьма болезненный вид. Что, впрочем, было обоснованно. Последние 5 лет лорд Дэнверс очень страдал сердцем. Светло-голубые, почти выцветшие глаза устало смотрели на мир. Этель невольно вспомнила своё венчание с ним. Её все поздравляли, но в глазах у них стояла жалость. Жалость к ней, такой молодой и красивой, связывающей свою жизнь с больным человеком, намного старше себя. В тот день шёл колючий октябрьский дождь. Встряхнув головой, словно отгоняя непрошенные воспоминания, Этель поправила мужу подушку и, пожелав спокойной ночи, отправилась спать.

В своей комнате она наконец позволила горничной расстегнуть платье. Роза, приколотая возле плеча, смялась; Этель сняла её и протянула девушке.

— Положите на стол. Завтра посмотрим, можно ли её поправить.

— Да, миледи.

Она сама не знала, зачем сохраняет цветок. Наверное, потому, что платье ещё понадобится. Разговоров о том, что они будут выезжать чаще, у них с Ричардом случалось немало, и всякий раз первые дни после такого обещания Этель старалась держать свободными.

Но на следующее утро муж встал поздно. Ещё через день ему стало лучше, и он продиктовал приглашение лорду Рейвенхёрсту.

* * *

Мадлен узнала о приглашении прежде, чем о нём успела сообщить Этель лично. Мать получила её записку и, прочитав, сказала за завтраком:

— В четверг мы обедаем у Дэнверсов. Ричард приглашает Рейвенхёрста.

Отец спросил, не много ли это для него — принимать гостей так скоро после приезда. Графиня ответила, что приглашены только они и что Ричард сам на этом настоял.

Мадлен продолжала смотреть в тарелку. Ей казалось, стоит поднять голову, и мать сразу догадается, почему эта новость её обрадовала.

— Ты ничего не ешь, — заметил отец.

— Я уже поела.

— Тогда передай мне, пожалуйста, соль.

Она передала сахарницу.

Отец посмотрел на неё, потом на сахарницу, но промолчал. Мадлен быстро заменила её солонкой и почувствовала, что краснеет.

До четверга оставалось два дня. Она успела решить, что наденет голубое платье, раздумать и вновь к нему вернуться. Ей хотелось посоветоваться с Этель, но спрашивать у сестры, как понравиться человеку, с которым та сама танцевала, было почему-то неловко.

На следующий день Этель заехала к родным. Мадлен отвела её в малую гостиную и показала новый шёлковый пояс, который собиралась надеть с голубым платьем. Сестра похвалила его. Мадлен обрадовалась так, будто это было одобрением всего задуманного ею вечера.

Перебирая концы длинной ленты, девушка наконец спросила:

— А как зовут лорда Рейвенхёрста?

Этель подняла голову.

— Рутгер.

— Необычное имя.

— Да.

— Ему подходит.

Мадлен приложила пояс к платью и повернулась к зеркалу. Этель смотрела на неё с лёгкой улыбкой.

— Ты не находишь? — спросила девушка.

— Я слишком мало его знаю, чтобы судить об этом.

Мадлен тоже знала его мало. Но суждение уже было готово, и это почему-то не казалось ей странным.

Позже, провожая Этель к экипажу, младшая сестра спросила, останется ли Рутгер после обеда.

— Надеюсь, — ответила Этель. — Зачем же ему уезжать сразу?

Мадлен решила, что сестра не понимает самого важного. У него вечно не было времени; если он согласился провести у них целый вечер, это уже означало что-то особенное.

Никто не ожидал, что Рутгер найдет время на визит. Но он все же приехал к ним. Дэнверсу в этот день было, на удивление, хорошо, и он своим весёлым расположением духа заразил всех уже с самого утра. Этель оживилась, отправилась с сестрой к модистке, которая должна была сегодня закончить новое бальное платье Мадлен. Гостя встретили радушно. Хозяин радостно пожал руку и искренне заметил, что рад его визиту. Когда Мадлен увидела его, щёки девушки покраснели от удовольствия. За обедом гость много и остроумно шутил, похвалил великолепную обстановку дома и туалеты дам, выразил сожаление, что не имел чести познакомиться с ними раньше и огорчённо посетовал на свою большую занятость.

Сидя за столом, Мадлен сначала боялась сделать что-нибудь неловкое. Рутгер оказался напротив, чуть наискосок от неё, так что можно было видеть его, не поворачивая головы. Этим преимуществом она пользовалась гораздо чаще, чем следовало, и однажды, встретив его взгляд, поспешила отпить воды, хотя пить совсем не хотела.

Он спросил, давно ли она занимается музыкой.

— С детства.

— В таком случае вы играете значительно лучше меня.

— Вы ведь ещё не слышали.

— Именно поэтому и могу сказать это с такой уверенностью.

Она рассмеялась. Ответ нашёлся сам собой:

— Тогда вам следовало бы больше заниматься.

— Боюсь, на это уже не хватает времени.

— Вы говорите совсем как Этель.

Сестра подняла глаза.

— Неужели я так часто это говорю?

— Всякий раз, когда я спрашиваю, почему ты не играешь.

— Значит, ты слишком часто спрашиваешь.

Мадлен улыбнулась. Ей понравилось, что Рутгер посмотрел на них обеих, словно только теперь заметил в них сестёр. При столь различной внешности незнакомые люди обычно не сразу признавали их родство.

Отец заговорил о Майкле. Он получил письмо с новостями, которыми гордился, хотя старался рассказывать о них без особенного воодушевления. Ричард задал несколько вопросов; разговор быстро перешёл к дипломатическим делам.

Мадлен почти перестала слушать. Она знала, что отец любит говорить о сыне, а Ричард — о прежней службе. Какое-то время Рутгер охотно поддерживал их, но потом, в короткой паузе, графиня спросила его о сестре.

— Аннабель собиралась приехать к нам с матерью, — ответил он. — Однако в последний момент передумала.

— Надеюсь, ничего не случилось?

— Насколько мне известно, нет. Ей просто не понравилось одно из приглашений.

— И она отказалась от всех остальных?

— Её рассуждения не всегда легко предугадать.

Этель отложила вилку.

— Возможно, она и хотела отказаться только от одного. Но не нашла другого способа.

Рутгер посмотрел на неё.

— Вы полагаете, я заставил бы её ехать?

— Я не знаю вашей сестры. И вас тоже знаю недостаточно.

Слова были произнесены без вызова, однако Мадлен показалось, что за столом на мгновение стало тише. Ей захотелось вмешаться и сказать что-нибудь весёлое, прежде чем разговор сделается неприятным.

Но Рутгер сам улыбнулся.

— В таком случае мне придётся расспросить её лучше.

— Если расспрашивать Аннабель слишком усердно, она совсем перестанет приезжать, — заметил Ричард. — В её возрасте я бы тоже предпочёл деревню обществу людей, которые уверены, что лучше меня знают мои желания.

Отец рассмеялся.

— В её возрасте ты предпочитал общество тех, кто охотно исполнял твои желания.

— Небольшая разница, Элмсвик.

Мадлен увидела, как Этель улыбнулась мужу. Ей стало спокойно: за столом снова говорили так, как полагается говорить за приятным обедом, и никто ни на кого не сердился.

Когда убрали последние тарелки, мать спросила у Ричарда, не утомили ли его гости.

— Напротив. Мне давно не было так хорошо.

Он сказал это весело, почти с удивлением, и Этель перестала смотреть на стоявшие на камине часы.

После обеда все устроились в гостиной. Мадлен попросили сыграть. Она с большим удовольствием и немалым волнением исполнила весёлую шотландскую песенку. Ей искренне поаплодировали.

— Вы замечательно играете, — улыбнулся ей гость.

Мадлен провела ладонью по гладкой ткани на коленях. Она сыграла почти без ошибки. Только в начале второго куплета пальцы взяли неверную ноту, но, кажется, никто этого не заметил.

Ей хотелось сыграть ещё. Однако мать уже благодарила её, а Рутгер смотрел в другую сторону.

* * *

Обернувшись к Этель, он спросил:

— А вы, миледи, не хотите сыграть для нас?

Она удивлённо взглянула на него. Рутгер выжидающе улыбался.

Рутгер не ожидал, что она смутится. Ему казалось вполне естественным обратиться к другой даме после того, как одна уже играла. Этель держалась спокойно весь вечер; её готовность спорить за столом позволяла предположить, что и сейчас она откажется без всякого затруднения, если ей не хочется.

— Боюсь, я так редко играю, что не смогу похвалиться особым мастерством.

— Зато моя жена необыкновенно проникновенно поёт, — вмешался Дэнверс.

— Вовсе нет, — запротестовала было она, но Ричард ободряюще похлопал её по руке.

— Ну же, леди Дэнверс, — Рутгер сделал умоляющее лицо. — А леди Мадлен, конечно же, подыграет сестре.

Этель поднялась и подошла к роялю. Остановившись, она вопросительно посмотрела на Мадлен, но та беспомощно развела руками.

— Этель, ты же знаешь, твои мелодии мне совсем незнакомы.

Рутгер успел подумать, что поставил её в неловкое положение. Но Этель уже садилась, осторожно отодвинув рукав от кисти. Она не стала перебирать ноты, сложенные рядом с инструментом. Её пальцы ненадолго замерли над клавишами.

Кивнув, Этель села за рояль, немного помедлив, заиграла. Первый же звук повис в комнате какой-то до боли тоскующей, щемящей струной. Все затихли с невольным вниманием, глядя на молодую женщину. Она же не поднимала глаз, играя мелодию какого-то очень печального и старинного романса. Она играла так довольно долго, и всем уже стало казаться, что она будет только играть. Но Этель запела: чистый, нежный, но не сильный, а скорее чувственный её голос свежей волной унесся под своды дома. Этель пела неизвестный романс.

«Я не забуду никогда, как ты меня любил когда-то.

Пусть тянет прошлые века, с тобой мы оба виноваты.

Я слишком поздно поняла, ты слишком рано отступился.

Я не забуду никогда, а ты забыть поторопился».

Рутгер больше не улыбался. Рядом с ним Ричард слегка откинул голову; рука, лежавшая на подлокотнике, расслабилась. Графиня смотрела на дочь, а Элмсвик — на жену, словно ему было важно понять её выражение. Только Мадлен не сводила глаз с сестры.

О да, она пела божественно. Рутгер не мог бы сказать, что чудесного заключалось в пении этой женщины. Голос её не был сильным, и в большой аудитории её было бы, наверное, плохо слышно. Но что-то рождалось в душе при этих чарующих звуках, что-то было в её голосе бесконечно печальное. В тот вечер Рутгер внезапно понял, что, несмотря на замужество и на семью, Этель одинока. Он знал Ричарда Дэнверса раньше, но лишь сейчас подумал, какая разница в возрасте лежит между ним и его юной женой. Он внезапно задумался, почему Этель вышла за Ричарда замуж? Что толкнуло её на этот шаг? Деньги? Но семья её была богата. Титул? Вряд ли. Любовь? Но, невольно наблюдая за супругами, Рутгер заметил, что их отношения скорее похожи на дружескую привязанность, чем на страсть влюблённых. К тому же он знал, что Дэнверс серьёзно болен, притом уже давно. А Этель всё пела:

«Моя печаль умрёт со мной.

О ней ты так и не узнаешь.

Узнаю я, что ты не мой

И никогда моим не станешь.

Останься ветром на губах,

Останься тенью мимолётной.

И встреть меня на небесах,

Такой же, как и я, бесплотный».

Закончив играть, Этель ещё несколько долгих секунд молча сидела, словно прислушиваясь к последнему звуку, словно пытаясь поймать улетевшее под высокие своды старого дома эхо последнего слова. Вместе с нею молчали все. Потом, словно скинув с себя оцепенение, начали хором выражать своё восхищение. Этель приняла похвалы молча, с достоинством, как должное. Впрочем, казалось, она о чём-то думала.

— Я не знал, что вы поёте, — сказал Рутгер, когда остальные на мгновение замолчали.

Этель посмотрела на него так, будто вопрос требовал иного ответа, чем только что сказанные похвалы.

— Вы не могли знать. Я редко пою при гостях.

— Отчего же?

— Голос недостаточно сильный.

— Здесь было слышно каждое слово.

Она чуть склонила голову, принимая замечание, но не стала спорить. Ему неожиданно захотелось услышать её обычный разговорный голос, проверить, осталось ли в нём хоть что-нибудь от прозвучавшей песни.

— Где вы научились этому романсу?

— У нашей прежней учительницы музыки. Это было давно.

— У меня тоже была учительница, — заметила Мадлен. — Но она предпочитала, чтобы я играла что-нибудь повеселее.

Рутгер повернулся к девушке.

— И, по-видимому, у неё были все основания.

Мадлен улыбнулась. Этель закрыла рояль и вернулась на своё место возле мужа. Ричард взял её руку, поднёс к губам и что-то сказал негромко. Рутгер отвёл взгляд.

Общество снова оживилось. Элмсвик вспомнил певицу, которую слушал несколько лет назад; графиня не согласилась с его воспоминанием, и вскоре выяснилось, что они говорят о разных вечерах. Мадлен смеялась, а Этель поправляла сползшую с плеча шаль. Всё было обыкновенно, почти по-домашнему.

Рутгер взял предложенную чашку и обнаружил, что не помнит, согласился ли он на чай или кофе. На поверхности тёмной жидкости отражался свет лампы. Он сделал глоток; это был кофе.

Ему следовало уехать. Он обещал появиться в клубе, а до того ещё хотел увидеть Чарльза: тот оставил ему записку о каком-то разговоре с поверенным. Ничто не мешало проститься сейчас.

Однако Ричард начал рассказывать об одном из общих знакомых, и Рутгер остался слушать. Потом он сам рассказал что-то смешное. Мадлен живо отозвалась и с этой минуты всё чаще вступала в беседу, хотя он обращался почти ко всем одинаково.

Этель говорила мало. Но теперь Рутгер замечал всякий раз, когда она всё-таки вступала в разговор. В её голосе не было ни обиды на невнимание, ни желания привлечь его. Отчего-то это занимало его сильнее, чем откровенная радость младшей сестры.

Наконец Ричард умолк на середине фразы, подбирая забытое имя. Этель чуть повернулась к нему и ответила вместо него, так естественно, будто это и было продолжением рассказа.

Рутгер увидел, как она положила ладонь на край кресла мужа. Приходилось признать: ему пора уходить, хотя хозяин ещё способен был из любезности удерживать его до утра.

Он поднялся.

— Я злоупотребляю вашим гостеприимством.

— Напротив, — сказал Ричард. — Приезжайте ещё. В следующий раз я подготовлю более убедительные истории.

Графиня тоже пригласила его не забывать их. Мадлен стояла возле матери и смотрела на него с плохо скрытым ожиданием. Рутгер поблагодарил обеих, пожелал Элмсвику доброй ночи и повернулся к Этель.

— Спасибо за музыку, леди Дэнверс.

— Я рада, что вам понравилось.

Обыкновенный ответ. Он не сумел бы назвать другого, которого ожидал.

Рутгер уехал довольно поздно, около одиннадцати вечера. Он не отправился в клуб, как планировал, а поехал сразу домой и долго сидел у камина с бокалом в руке, глядя на пляшущие языки пламени. Неясные смутные думы волновали его.

На столе лежала записка Чарльза. Рутгер развернул её, прочёл и отложил: ничего такого, что нельзя было решить утром. Внизу брат приписал, что мать ждёт его в воскресенье и сердится, потому что он дважды не нашёл времени заехать.

Ему не хотелось думать о воскресенье. Он подвинул ногой стоявшую возле камина скамеечку и посмотрел на часы.

Теперь Этель, вероятно, помогала мужу подняться в спальню.

Мысль была настолько простой и определённой, что Рутгер сам удивился ей. Он видел немало семей, в которых жёны заботились о мужьях; в этом не было ничего необычного. И всё же весь вечер перед ним словно оставалось нечто, чего он не сумел заметить при первом знакомстве.

Он попробовал вспомнить мелодию и не смог. В памяти удержался только голос и пауза перед первым словом.

Рутгер поставил бокал на каминную полку. Ему стало досадно на собственную рассеянность. Он ещё раз взял записку брата и заставил себя перечитать её с начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.